

свой вклад, каким бы малым он ни был; у более слабых учащихся подчас проявляются неожиданные способности, более

сильные ученики стараются поделиться своими знаниями со слабыми ради общего успеха.

СОВЕРШЕНСТВУЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ

Г.И. ПАНОВА

Абакан

Русский язык в сопоставительном аспекте: о языковой избирательности*

В данной статье явление языковой избирательности рассматривается на материале русского, украинского, польского и некоторых других языков. Предлагаемый материал поможет учителю в формировании лингвистической компетенции школьников при обучении русскому языку как родному и неродному в поликультурных школах общего и профессионального типа.

Ключевые слова: *языковая избирательность; интерпретационная семантика; мотивация наименования; лакуны.*

«Почему языки такие разные?» — так называется научно-популярная книга В.А. Плунгяна, адресованная «не только школьникам». Было бы очень хорошо, если бы именно школьники заинтересовались данным вопросом. Это особенно важно для современной ситуации школьного образования, когда в одном классе нередко обучаются носители разных языков и культур. Коллективные поиски ответа на данный вопрос вызовут не только творческий интерес к родному языку и к усиленному сопоставлению его с другим языком, но и уважительное отношение к другому языку, а значит — к другому народу.

Языки разные потому, что человеческий язык вообще обладает свойством избирательности. Это свойство и обуславливает то многообразие конкретных языков, которое существует на земном шаре.

Языковая избирательность проявляется на всех уровнях структуры любого языка. На фонетическом (фонологическом) уровне она проявляется, напри-

мер, в том, какие звуки, произносимые человеком, имеют статус фонемы, т.е. способны различать звуковые оболочки слов, или каким способом выделяются ударные слоги; на морфологическом уровне, например, в том, какие морфологические категории имеет данный язык, как в нем выражаются грамматические значения слова; на синтаксическом уровне — в том, каков порядок слов в данном языке, какие структуры предложения типичны для него и др. (см. об этом: [Плунгян 2001]).

Лексическая избирательность проявляется тоже в разных аспектах. Во-первых, в том, какой признак реалии отражается в ее наименовании, — в этом случае лингвисты говорят об интерпретационном характере семантики слова. Во-вторых, в том, насколько конкретно отражается в понятиях (и словах) данный фрагмент мира, — в таком случае говорят о разной степени его расчлененности в языковом представлении разных народов. В-третьих, в том, что из внеязыковой действительности отражается в значении отдельных слов, а что передается описательно, — в последнем случае говорят о наличии лагун в языке. Кроме того, избирательность языка проявляется в выборе того, через значение какой части речи фиксируется в сознании носителей языка данная реальность. Рассмотрим эти виды языковой избирательности.

* Статья публикуется в рамках проекта «Преподавание русского языка в поликультурной среде (в полиэтнических классах в школах России и на занятиях с мигрантами) и повышение культуры речи мигрантов».

Панова Галина Ивановна, доктор филол. наук, профессор Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. E-mail: giranova@mail.ru

1. Интерпретационный характер семантики языковых единиц.

Немецкий философ и лингвист В. фон Гумбольдт справедливо полагал, что слово эквивалентно не самому чувственно воспринимаемому предмету, а тому, «как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова» [Гумбольдт 2000: 103]. Практически об этом же в 1862 г. писал А.А. Потебня в книге «Мысль и язык»: «Слово образуется из субъективного восприятия и есть отпечаток не самого предмета, а его отражения в душе» [Потебня 1993: 29].

Сравните «отражение в душе» двух славянских народов одного и того же объекта при его назывании. Русскому слову *каменищик* в польском языке соответствует слово *murarz*, образованное при помощи суффикса *-arz-* от существительного *mur* — ‘стена’ (ср. *замуровать*). Эти слова передают разные направления мысли двух народов при поиске названия для лица, занимающегося данным видом деятельности: русские отразили в его названии материал, из которого первоначально делались стены (камень), а поляки — результат деятельности (*mur* — ‘стена’). В подобных случаях и говорят о разной интерпретации реалии в сознании называющих ее, или о разной мотивации наименования, о его разной «внутренней форме».

Ср. разные аспекты реалий, положенные в основу их наименований в русском и украинском, а также русском и польском языках: *прошлое* и *давнина*, *животное* и *тварина*, *столовая* и *їдальня*, *питать* и *живити* или *букварь* и *elementarz* [элементаш], *ничья* (сущ.) и *nierozygrana* [нерозыграна].

Школьникам этот вид языковой избирательности целесообразно показать на лингвистических терминах. Так, термин *существо*¹ несомненно отражает высокую оценку грамматистами статуса данной части речи среди других частей речи (ср. однокорневые слова *сущность*, *существо* дела, *суть*). В немецком языке эта часть речи прямо называется «главным словом» — *Hauptwort* (*Haupt* — ‘шеф, голова, вершина’

Wort — ‘слово’). В украинском языке существительное представлено как слово, дающее имена, — *іменник*, в белорусском — просто как слово называющее — *назоўнік* (*называць* — ‘называть’). Наименее конкретно предназначение существительного отражено в польском языке — *rzeczownik* [жэчóвник] (*rzecz* — ‘вещь, предмет’). Если сделать поморфемный перевод (кальку) польского термина, то в русском языке получится *предметник*, т.е. слово, называющее предметы.

Русскому термину *глагол* в украинском и белорусском языках соответствуют слова *дієслово* (*дія* — ‘действие’) / *дзеяслоу*, а в польском — *czasownik* (от *czas* — ‘время’). В первом случае название глагола отражает его предназначение называть действие, во втором — способность иметь формы со значением времени. Само же слово *глагол* (др.-рус. с полногласием *гологол*) исконно имело значение ‘речь, слово’². Таким образом, *глаголом* обозначали и родовое понятие — «слово» и видовое — «слово, обозначающее действие», что тоже свидетельствует о высоком статусе глагола. В структуре высказывания именно глагол оказывается главенствующим словом: он предопределяет формально-содержательную структуру фразы. Например, глагол *давать* предопределяет наличие в высказывании субъекта (кто дает?), объекта (что дают?) и адресата (кому дают?).

Интересно также обратить внимание на название рода в разных языках у слов типа русских *зерно*, *солнце*. Так, в русском и украинском языках — это «средний»/«середній» род, в белорусском и польском — «никакой»: *nijaki/nijaki* (от *yaki/jaki* — ‘какой?’), а в латинском — «нейтральный»: *neutrum* (*ne-uter* — ‘ни тот ни другой’).

Таким образом, в значении языковых единиц действительно заключена «ин-

¹ Русский термин *существо* — это словообразовательная калька (поморфемный перевод) с лат. *substantivum* (*substantia* — ‘сущность, суть’).

² Термин *глагол* — это семантическая калька с греч. *ῥήμα* и лат. *verbum*, которые имеют значения: 1) ‘речь, слово’ и 2) ‘глагол’. По аналогии с этими словами российские грамматисты тоже стали употреблять русское слово *глагол*, первоначально имевшее значение ‘речь, слово’, для названия части речи, обозначающей действие. (Ср. обозначение глагола в других языках: чешский, словацкий: *verbum, slovesa*; сербский: *verb, slowjesa*; англ. — *verb*, нем. — *der Verb*, фр. — *le verbe*, ит. — *il verbo*, исп. — *el verbo*.)

терпретация мира человеком», разный способ его представления в сознании носителей разных языков.

Разный способ представления тождественных реалий внутри одного языка иллюстрируют словоформы множественного числа русских субстантивов, с одной стороны, и собирательные существительные — с другой. Ср.: *российские студенты* и *российское студенчество* или *вороны* и *воронья*. Реально расчлененное множество объектов словоформы множественного числа так и отражают как расчлененное, а собирательные существительные представляют (интерпретируют) его как совокупное единство.

Состав собирательных субстантивов далеко не всегда совпадает в разных языках, потому что они избирательно относятся к тому, как отразить множество предметов: как расчлененное или как совокупное (а в тюркских языках они вообще отсутствуют). Так, существительные *родня*, *учительство*, *братва* не имеют собирательных соответствий в английском и немецком языках, *студенчество* — в английском и французском, а *зверье* — во всех трех названных языках переводится словоформой множественного числа *звери*. С другой стороны, во французском языке есть собирательные субстантивы *branchage* (от *branch* — ‘ветка’) и *pierraille* (от *pierre* — ‘камень’), которые на русский язык мы тоже переводим словоформами множественного числа — ‘ветви’ и ‘камни’.

Выше уже отмечалось, что интерпретационный характер семантики языковых единиц может проявляться не только в том, какой аспект реалии отражается в ее наименовании, но и в том, через значение какой части речи отражается реалия. Например, признак предмета может передаваться в языке не только как признак, существующий в предмете (*белый снег*), но и как «предмет», независимая субстанция (*белизна снега*), или как процесс (*Снег белеет*), или как признак процесса (*Снег еще бело выглядит*), или же как бессубъектное состояние (*На улице бело*). Это свидетельствует об интерпретационном характере значения частей речи в целом. Таким образом, языковая избирательность может проявляться в том, что одна и та же реалия в разных языках может отражаться через содержательную призму разных частей речи.

Французский лингвист Э. Бенвенист отмечает, что в языке американских индейцев хупа понятие «дождь» выражается глагольной формой 3-го лица *napua* (буквально ‘он спускается’), а понятие «ручеек» — формой *nillin* (‘он течет’) [Бенвенист 1974: 169]. Таким образом, эти природные реалии в сознании носителей данного языка представлены как процессы, а носители русского языка воспринимают их как «предметы», способом бытия которых является соответствующий процесс: *ручей течет, дождь идет*. У поляков, кстати как и у французов, дождь «падает»: *pada deszcz*.

Приведем еще примеры, когда одно и то же понятие в разных языках выражается словами разных частей речи. Так, в русском языке значение должностования передается кратким прилагательным (*Я должен*), а в польском языке — глаголом *musieć* (‘быть должным, обязанным’), как и в английском: *I must*. (Аналогично в немецком и французском языках.) В польском языке есть глагол *uważać*, который мы можем перевести только через сочетание прилагательного со связкой — ‘быть внимательным’. При этом в польском языке нет глаголов, соответствующих русским *гордиться* и *присутствовать*; там эти понятия передаются тоже через прилагательные *dummy* и *obecny*. Ср.: *Jestem dummy z ciebie* — ‘Я горжусь тобой’ (букв. ‘Я есть гордый с тебя’); *On jest obecny* — ‘Он присутствует’ (‘Он есть присутствующий’; только слово *присутствующий* — это все-таки глагольная форма, причастие, а *obecny* — прилагательное).

2. Неодинаковая членимость фрагментов мира, отраженная в разных языках.

Нередко тождественные фрагменты реального мира фиксируются в разных языках с неодинаковой степенью конкретизации, т.е. получают различное членение в понятиях и в словах, их отражающих. Например, пальцы на руках и ногах носители русского языка называют одним словом (*палец/пальцы*), а носители немецкого языка — разными словами: *der Finger* (‘палец на руке’), *die Zehe* (‘палец на ноге’). Аналогично в английском языке: *finger* и *toe*. При этом те и другие прекрасно понимают общее и различное между пальцами рук и ног. Но носители русского языка, именуя данные предметы одним словом,

пренебрегают их различиями, а носители немецкого и английского языков, обозначая их разными словами, отвлекаются от общих признаков.

В русском языке слова *кость*, *косточка* используются по отношению к составным частям скелета человека, животного и рыбы; *косточкой* мы называем также твердую сердцевину плода. В польском же языке есть три разных слова, соответствующих нашим *кость*, *косточка*. Это — 1) *kość* / *kostka* — ‘кость/косточка человека, медведя, гуся и под.’; 2) *ość* — ‘кость рыбы’ и 3) *pestka* — ‘косточка абрикоса, вишни и др.’. Таким образом, в русской языковой картине мира все, что называется *кость/косточка*, представлено как один предмет, а в польской языковой картине — как три разных предмета.

С разной степенью конкретизации нередко отражаются в разных языках родственные отношения. Так, русским «терминам родства» *дядя* и *тетя* в польском языке, как и в украинском, соответствует по два слова: *wuj* — ‘дядя по матери’ и *stryj* — ‘дядя по отцу’, *wuenka* — ‘тетя по матери’ и *stryenka* — ‘тетя по отцу’. Русскому *невестка* соответствуют *synowa* — ‘жена сына’ и *bratowa* — ‘жена брата’. И напротив, польское существительное *teść* — это ‘отец жены и отец мужа, т.е. тесть и свекор’; а *teściowa* — ‘теща и свекровь’.

Интересный пример несовпадения словесного «портрета» одного и того же «кусочка» действительности дает сопоставление материала русского и японского языков. Так, носители русского языка могут *надевать* (и *носить*) вещи разного типа: рубашку, брюки, туфли, перчатки, шляпу, очки и др. Японцы же употребляют пять разных глаголов, соответствующих глаголам *носить/надевать*, в зависимости от характера надеваемого/носимого. См.: *kiru* — ‘надевать/носить любую одежду, кроме брюк’; *haku* — ‘надевать/носить юбку, брюки, обувь и т.п.’ (все, что надевается ниже пояса); *hameru* — ‘надевать/носить перчатки, кольца’ (на руки/на руках); *kaburu* — ‘надевать/носить головной убор’; *kakeru* — ‘надевать/носить очки, значок и т.д.’. При этом русскому глаголу *снимать* (все — рубашку, брюки, туфли, перчатки, шляпу, очки) соответствует тоже один японский

глагол — *nugu* [Японский для всех 1994: 69].

В.Г. Гак в статье «Русский язык глазами других» приводит пример, когда русский язык более детально прописывает фрагмент мира, в отличие от французского языка. «Нередко в русской речи в зависимости от характера звука выбирается особое звуковое слово, тогда как французский язык удовлетворяется одним и тем же родовым термином *bruit* — ‘звук, шум’. Вот некоторые примеры из опубликованных переводов: *стук колес* — *le bruit des roues*; *шарканье ног* — *le bruit des pieds*; *звон колокола* — *le bruit de la cloche*; *рев мотора* — *le bruit des moteurs*; *гул молодых голосов* — *le bruit des voix jeunes*; *топот коней* — *le bruit des chevaux...*» [Гак 2004: 54]. Таким образом, «звуковая картина» мира в русском языке несопоставимо богаче, чем во французском.

По наблюдению специалистов в сфере сравнительного изучения языков, в русском языке в целом более детально и дифференцированно, чем в других языках, «прописаны» эмоциональная сфера, область морально-этических понятий и понятий, отражающих особенности протекания/осуществления действий (см. об этом: [Вежицкая 1996; Петрухина 1998; Панова 2015: 58–79].

3. Наличие лакун в языке.

Термин *лакуна* (лат. *lacuna* — ‘углубление, впадина, провал’; фр. *lacuna* — ‘пустота, брешь’) достаточно широко используется при анализе лексических единиц сравниваемых языков. Лакуна — это отсутствие в данном языке слова, которое выражало бы существующее понятие, при наличии слова, выражающего это понятие, в другом языке. Таким образом, в данном языке — это «белое пятно», пробел, незаполненное место в лексической системе языка, как пишет Г.В. Быкова, исследующая явление языковой лакунарности [Быкова 2003: 23].

Например, во французском языке есть слово *chambrée* — ‘те, кто живет в одной комнате’ (от *chambre* — ‘комната’). Для носителей русского языка это понятие тоже актуально (в частности, в ситуации общежития), и его вполне могло бы выражать слово *сокомнатники*, как выражают аналогичные понятия слова *сокамерники* (‘заключенные, помещенные в одной камере’) или *современники* (‘люди, живущие в одно вре-

мя'). Отсутствие в русском языке слова, выражающего понятие 'те, кто живет в одной комнате', — это и есть лакуна, выделяемая на фоне французского языка.

Итак, лакуны — это отсутствие слов для обозначения понятий, которые в данном обществе существуют и имеют словесное обозначение в другом языке [Гак 2006: 261]. В данном же обществе (языке) эти понятия выражаются описательно, словосочетанием. Например, в латинском языке есть существительное *mortalia*, которому в русском языке соответствуют понятия «человеческие дела», «человеческая судьба». Интересно, что *mortalia* восходит к глаголу *morior* — 'умирать, погибать, исчезнуть'; таким образом, в этом слове отражено определенное мировоззрение древних римлян. В латинском языке есть также слово *hūmāna* (однокорневое с *homo* — 'человек'), значение которого определяется как 'человеческие дела, интересы, судьбы, слабости' [Дворецкий 2000: 368].

Приведем примеры лакун, выделяемых в русском языке на фоне других славянских языков. Ср.: укр. *предвечір'я* и польск. *przedwieczór* (от *wieczór* — 'вечер') — 'предвечерняя пора' или польск. *powiernica* — 'задушевная подруга', *szesnastolatek* — 'шестнадцатилетний подросток', *jedynak* — 'единственный сын', *dojutrek* (*jutro* — 'завтра') — 'человек, откладывающий дела на завтра', *klasówka* — 'контрольная работа'; укр. *книгарня*, польск. *księgarnia* и болг. *книжарница* — 'книжный магазин'; болг. *цветарница* — 'цветочный магазин'; *цветар* — 'продавец цветов', *черешар* — 'продавец черешни', *гърлобол* — 'болезнь горла' (аналогично: *сърцебол*, *очебол*, *устобол*, *збобол*).

Итак, свойство избирательности присуще всем языкам, и оно проявляется на разных уровнях языковой системы. При этом наиболее значима и вызывает наибольший интерес лексическая избирательность языков.

Языковая избирательность связана с субъективным характером отражения в языке окружающего мира. Эту субъективность можно проиллюстрировать также на примере звукоподражаний. Нам кажется, что наши звукоподражательные слова своим звуковым составом

объективно воспроизводят те звуки, которые издают живые существа и предметы. Однако сравнение таких слов в разных языках, даже близкородственных, показывает, что это далеко не так. Например, в представлении носителей русского языка утки «говорят» *кря-кря*, лягушки — *ква-ква*, а сердце стучит — *тук-тук*. В представлении же поляков утки «произносят» — *кфа-кфа* (*kwa-kwa*), лягушки — *кум-кум* (*kum-kum*), а сердце стучит — *пик-пик* (*pik-pik*). Кроме того, там «говорят» рыбы и щетки: *плюм-плюм* (*plum-plum*) и *шүру-бүру* (*szuru-buru*), тогда как у русских они «молчат» (вспомните: *Нем как рыба*).

Избирательность языка, его определенная субъективность в плане того, что отразить из окружающего мира и как отразить, и создает языковую картину мира. Языковая картина мира — это мир, отраженный в данном языке, и прежде всего в его лексических единицах. Каждый язык «рисует» свою, национальную картину мира. Это аналогично тому, как если несколько человек в рисунке или словами отразят один и тот же предмет, например дерево: у каждого получится свой вариант дерева, свой живописный или словесный его «портрет». Подобным образом каждый язык «создает» свой образ внеязыковой действительности, свой языковой «портрет» (или языковую картину) мира. И естественно, в этой языковой картине наиболее ярко будет представлено то, что данный языковой коллектив считает наиболее важным для себя. Поэтому, сравнивая определенные тематические группы лексики (и даже какие-то грамматические факты) разных языков, можно выявить неодинаковую значимость тех или иных представлений для данного народа и на этом основании судить не только о своеобразии быта этого народа, но и об особенностях его менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.

Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. — Благовещенск, 2003.

Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996. — С. 33–88.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М., 2006.

Гак В.Г. Русский язык глазами других // Филологические науки. – 2004. – № 1. – С. 50–58.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М., 2000.

Панова Г.И. Очерки по русскому языку в сопоставительном аспекте: учеб. пособие. – Абакан, 2015.

Петрухина Е.В. Языковая картина мира и сопоставительное изучение глагольной деривации // Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. – Вып. V. – Сер. 5: Литературоведение. Языкознание. – Абакан, 1998. – С. 98–101.

Плунгян В.А. Почему языки такие разные? – М., 2001.

Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев, 1993.

Японский для всех. Пособие по изучению разговорного языка / Автор-составитель А.Н. Колесников. – Новосибирск, 1994.

М.Ю. ФЕДОСЮК

Москва

Что означают слова и предложения*

В статье обосновывается необходимость различения языковых значений и речевых смыслов слов и предложений, что важно при изучении русского языка в полиэтнических классах, а также рассмотрены различные типы актуализаторов — речевых средств, вызывающих содержание употребленных в речи языковых единиц к знаниям адресатов.

Ключевые слова: *слова; предложения; значения; смыслы; актуализаторы; местоимения; имена собственные.*

Всем школьникам хорошо известно, что слова в языке обладают лексическими значениями. Однако при обучении русскому языку учащихся-инофонов необходимо расширить их представления о том, как происходит процесс общения между людьми.

Представим себе следующую ситуацию. Обращаясь к одной из учениц, учитель говорит: «Настя, спустись, пожалуйста, в библиотеку и принеси книгу». Легко представить себе реакцию Насти. Едва ли она сможет выполнить просьбу учителя, не задав ему уточняющего вопроса: «Какую книгу?».

Почему Настя не поняла слова учителя — ведь ей, безусловно, хорошо известно лексическое значение слова *книга*? Потому, что предметов, которые соотносятся со словом *книга*, в мире бесчисленное множество, и Насте необходимо понять, какой именно из этих предметов в данном случае имеет в виду учитель.

Приведенный пример убедительно свидетельствует о том, что слова не только обладают лексическими значениями, т.е. тем содержанием, которое жестко закреплено за ними в системе языка, но и при каждом употреблении в речи выражают разные смыслы, т.е. то содержание, которое в данной ситуации вкладывает в эти слова говорящий или пишущий [Жинкин 1982; Кобозева 2000].

Для того чтобы, зная значение слова, слушающий или читающий понял его смысл, отправитель должен каким-то образом привязать содержание этого слова к знаниям своего адресата. Этой цели служат специальные речевые средства, которые в лингвистике принято именовать актуализаторами [Балли 2001; Падучева 1985].

* Статья публикуется в рамках проекта «Преподавание русского языка в поликультурной среде (в полиэтнических классах в школах России и на занятиях с мигрантами) и повышение культуры речи мигрантов».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00145 «Имплитное содержание единиц русской речи: Системное описание»).

Федосюк Михаил Юрьевич, доктор филол. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: m.fedosyuk@yandex.ru.